

Леонид Юзефович. Филэллин: Роман в дневниках, письмах и мысленных разговорах героев с отсутствующими собеседниками. М.: АСТ; редакция Елены Шубиной, 2021. — 380 с. — (Неисторический роман).

20-е годы XIX века. В Греции идет война за независимость от Османской империи. Со всей Европы на помощь повстанцам стекаются филэллины: добровольцы, исполненные любви к античной культуре и надежд на возрождение древнего величия либо ведомые мечтой защищать саму идею свободы или просто ищущие новых приключений на новой войне. Филэллином является и главный герой романа, житель Нижнего Тагила отставной штабс-капитан Григорий Мосцепанов. По мнению горнозаводского начальства — ябедник, засыпающий своими кляузами губернские и петербургские власти. По сути — борец со злоупотреблениями, отставленный за свое правдоискательство и с должности учителя. А еще — у него есть важная тайна, касающаяся Греции: как крест может победить полумесяц. Раскрыть ее он обещает только государю. Слух о его маниакальной идее становится известен в российских верхах, где все громче говорят о необходимости поддержать братьев по вере. Но император Александр I не желает ввязываться в греческие события. Он реалист и хорошо знает изнанку борьбы греков за свободу: «В Европе филэллины собирают для греков колоссальные суммы, но деньги разворовываются, идут на коммерческие аферы, на кутежи, на варварскую роскошь штабов и резиденций». И если турки совершают ужасные жестокости, то разве греки превосходят их милосердием? Зверств достаточно с обеих сторон. Реальный Александр I не оказал военной помощи восставшим грекам по политическим соображениям, в романе, у Леонида Юзефовича, он руководствуется прежде всего нравственным чувством. Любовь к Греции порой может уживаться с довольно циничным взглядом некоторых персонажей на не всегда приятные особенности греческого характера. А в общем: «греки мало чем отличаются от турок, те и другие могут быть одинаково расчетливы и жестоки — или храбры до самопожертвования». События в Греции, которыми восхищался два века назад А. Пушкин, предстают без романтического ореола. Величественные контуры Эллады оборачиваются крикливым восточным базаром, древний город мечты выглядит жалкой пародией: «Кругом грязь, помои, воняет отхожим местом, Парфенон стоит щербатый, страшный, мраморные девы на Эрехтейоне носы повесили, у кого они есть». Действие завязывается на нижнетагильских заводах, продолжается в Екатеринбурге, Перми, Царском Селе, Таганроге, из России переносится в Навплион и Александрию и завершается в Афинах, на Акрополе. Неспешное сначала развитие сюжета приобретает стремительность, динамизм нарастает. Из пермского острога ошельмованный начальством и осужденный за «клевету» Мосцепанов бежит через лаз за дворовой уборной, через который к солдатам-охранникам навывалились девки, мытарствуя по России и в конце концов оказывается на склонах Акрополя и, нарушая предначертание судьбы, становится невольным виновником поворотного события в греческой войне. Именно его выстрел понудит Англию, Францию и Россию ввязаться в войну. «Судьба часто являет себя в несоизмеримости причины и следствия» Черту событиям, начавшимся в ноябре 1822 года и достигшим апогея в декабре 1826-го, подведут умиротворяющие картины 1835 года. Сплетение судеб, авторские «узоры» по канве подлинных событий. Драматизмом проникнуты последние годы жизни усталого, опустошенного человека и государя Александра I, проведенные в по-

ездках на Урал, в Таганрог, в Крым. Решение греческого вопроса он оставит своему наследнику. В Перми состоялась встреча двух героев книги — Александра I и Г. Мосцепанова. Среди героев книги реальные лица, большие и малые, и персонажи вымышленные. Баронесса-мистик Юлия Криднер, подстрекающая царя к вмешательству в греко-турецкий конфликт, камер-секретарь императора Александра I Игнатий Еловский, личный врач Александра I и шпион Константин Костандис, египетский полководец Ибрагим-паша, французский дворянин Шарль Антуан Фабье, возглавивший батальон из филэллинов, пермские губернаторы А. Криднер и Тюфяев, начальник Верхнеуральского Горного батальона майор Чихачев. И Наталья Бажина, робкая вдовца, мещанка с греческим профилем, самоотверженно любящая отставного штабс-капитана, не веря в расставание и не надеясь на встречу. Повествование облечено в форму писем, дневниковых записей и мысленных разговоров героев с отсутствующими собеседниками. Полифония голосов с речевыми особенностями каждого, текущие заботы и хлопоты мужчин и женщин, людей разных наций и социальных слоев, полифония мнений — в том числе о войне в Греции, в которой все или участвуют, или постоянно о ней говорят и думают. Многогранная картина давно ушедшей эпохи. Объемность ей создают и причудливо складывающиеся судьбы героев реальных и вымышленных. Как, например, судьба одержимой мистическими видениями баронессы Криднер: огорченная отказом императора следовать ее советам, она отправилась вместе с княгиней Голицыной в ее крымское имение Кореиз, на французском языке проповедовала Евангелие татарам, а затем ногайцам в Карасу-Базаре, где и умерла. Ее могилу навестит Александр I. Своих героев Л. Юзефович называет мечтателями. «Каждый из них приезжает в Грецию не только ради того, чтобы воевать за ее свободу, но и в погоне за своей собственной иллюзией. Эта погоня за призраком — единственная, пожалуй, идея романа, которую я могу внятно сформулировать». Ибрагим-паша говорит Фабье: «Вы думаете, что свободная Греция явит миру пример величия духа? Что филэллины станут зерном, из которого прорастет братство народов? ...Вас ждет разочарование. Если вы сумеете вырвать у нас хотя бы клочок земли, населенный греками, на следующий день ваши филэллины поделаются по нациям и передернутся за право устанавливать на нем свои порядки. С вас будут брать деньги за возможность увидеть Парфенон».

Елена Фролова. О моей и не о моей жизни. СПб.: Петрополис, 2020. — 160 с.

«Не знаю, как определить жанр. Сначала появились маленькие картинки из прошлого. Я назвала их „вспоминалками“. Потом пространство наполнилось разными лицами. Тут уже были и „сочинялки“. Затем очерки и даже статьи. Как театроведу мне хотелось вынести события на сцену, ввести крупный план, как журналиста привлекали подробности». Елена Фролова окончила факультет журналистики Львовского государственного университета и театроведческий факультет Ленинградского института театра, музыки и кинематографии. Печаталась в научных и театроведческих сборниках, в журналах, автор книг-воспоминаний о жизни в ссылке, куда она добровольно поехала к мужу Анатолию Бергеру, арестованному в 1969 году через три месяца после их свадьбы. За *неопубликованные* стихотворения, пьесу «Моралите об Орфее» и эссе о поэтах Серебряного века как за антисоветскую пропаганду и агитацию Бергер был осужден на четыре года лагеря и два года ссылки. Срок отбывал в лагере строгого режима в Мордовии, после чего провел два года в ссылке, в поселке Курагино Красноярского края. Е. Фролова пришла в писательство из журналистики. В коротком очерке она может мастерски выстроить и сконструировать драматургию сюжета, через яркие детали показать характер человека, из эпизодов выстроить линию судьбы. Отсчет „вспоминалок“

начинается с ниточек, ведущих в прошлое семьи, к коротенькой — в три колена — родословной, где старейшиной является прадед с материнской стороны, владевший Невскими бумажными фабриками. Рассказ о своей жизни — это целомудренные истории о нерасцветших детских и юношеских любовях и воспоминания о потрясении, испытанном при чтении в девятом классе «Жизни» Мопассана. «Советская власть искусственно приостанавливала всеми доступными ей средствами наше человеческое развитие. В женских школах робкие перешептывания, чтение исподтишка научного труда о половом вопросе Фореля. Пройтись с мальчиком под руку, поцеловаться — не на виду у всех, как теперь, а вообще поцеловаться. Ни я, ни Игорь такой степени „испорченности“ в свои 17 лет не достигли». И рассказ о первом столкновении с антисемитизмом, случившимся в городе Львове. «Мы шли с мамой. Подошел пожилой мужчина. „— Можно мне сфотографировать вашу дочь? — Зачем? — Я хочу поместить ее портрет на обложку журнала, чтобы показать, какие у нас девочки-украинки. — Моя дочь еврейка родилась в Ленинграде“. Не поместили мой портрет на обложку журнала». В реальности с антисемитизмом пришлось столкнуться после окончания Львовского университета, когда возникли трудности с трудоустройством. Герои, чаще героини очерков, новелл, рассказов Е. Фроловой, как правило, реальные люди, с которыми она встречалась на жизненном пути. Однокашницы по Львовскому университету и Ленинградскому театральному институту, педагоги, коллеги, соседки, квартирные хозяйки в поселке Курагино Красноярского края. Характеры, эпизоды, судьбы. Среди них и Тамара Петкевич (1920—2017), российская актриса, театровед и писатель-мемуарист. Ее книга «Жизнь — сапожок непарный» (1993) о жизни в сталинских лагерях в свое время стала явлением и выдержала ряд переизданий. Е. Фролова познакомилась с Т. Петкевич в театральном институте Ленинграда. Петкевич поступила на театроведение в 42 года после лагеря, после двух вузов — иныа и медицинского, который ей не дали окончить. Это она, провожая Е. Фролову в Большой дом на допрос после ареста Бергера, консультировала ее, как себя вести. Опекала и по возвращении из ссылки, помогла устроиться на работу в Дом художественной самодеятельности. Уникальны рассказы Е. Фроловой о работе народных театров в 70-е годы XX века. Их возглавляли режиссеры, которым не удавалось реализовать себя в профессиональных театрах — новые театры не открывались, в действующие не брали. Но при жестокой цензуре именно на любительских сценах они могли ставить пьесы, «непроходные» на официальные сцены. Так, в каком-то заштатном клубе режиссер Б. Ротенштейн поставил «Подследственного из Галилеи» — это было первое обращение театра к роману М. Булгакова «Мастер и Маргарита». В книге — серия очерков о значительных режиссерах и их спектаклях, становившихся событиями в театральной и культурной жизни города. Как методист курсов повышения квалификации работников культуры и искусства Ленинградской области она принимала участие в подготовке спектакля Малого Драматического театра по роману Ф. Абрамова «Дом». В том числе устроила поездку актерам в деревню Белая Киришского района в известный областной фольклорный коллектив для изучения северного говора. В книгу помещены аналитические разборы постановок пьес «Вишневый сад» и «Коварство и любовь» на сцене Малого Драматического театра. В Доме художественной самодеятельности на улице Рубинштейна Е. Фролова организовала театральную гостиную, где обсуждались самые острые спектакли. После смены директора ее уволили за неблагонадежность, как жену отбывшего срок по статье 70 ч. I УК РСФСР. «Вспоминалки» и «сочинялки» Е. Фроловой — это картины, отражающие Время и Времена в их подлинных реалиях, и людей, их населяющих. Крестница государя Александра III, дочь генерала, что «понесла в девках» и родила дочку сразу после окончания Смольного института благородных девиц, стала женой нэпмана Бори, после ареста

мужа она тут же привела в дом чекиста, который арестовал ее супруга. Нэпман Боря — брат бабушки Е. Фроловой. Командировка молодой журналистки от редакции газеты кораблестроительного завода им. Жданова в Армению вылилась в очерк: жизнь советской Армении, красивая встреча с красивым народом, с красивой землей. Очерками стали и воспоминания старожилов деревушки Согнивицы с возрожденной шатровой церковью, помнящих еще раскулачивание, и квартирный вопрос в 60—70-е годы как фактор брачных провалов. Отдельная тема — начало 90-х годов, запомнившиеся «волнующим, переливающимся, как пузырьки шампанского, ожиданием свободы», сложности гайдаровских времен, первые издания книги А. Бергера и крах издательства «Интерстартсервис», безуспешные — из-за формализма — попытки вступить в «Народный фронт» при отказе мужа от любой «политики». Заканчивается книга стихами А. Бергера, посвященными жене Елене Фроловой. Недавно супруги отпраздновали золотую свадьбу.

Полина Барскова. Седьмая щелочь: тексты и судьбы блокадных поэтов.

СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2020. — 224 с.

Полина Барскова ставит перед собой многоплановые задачи. Она стремится понять: почему блокада не только убивала, но и создавала поэтов? Почему в период монструозного преобразования тела и духа, отмирания всего человеческого, торжествующей со всех сторон смерти люди вообще писали стихи? Ее интересует: для кого они писали? Как согласовывали свое письмо с «(гос)заказом»? На какие литературные традиции опирались? А также: как они оказались в блокаде, почему не выехали сразу? Что они ели, где жили, чем писали, кого и куда везли на смертных саночках? П. Барскова в своих размышлениях обращается к стихам и судьбам восьми блокадных авторов, оказавшихся в блокадном Ленинграде и выразивших опыт выживания в своих произведениях. Это и официально признанные советские поэты — Николай Тихонов и Ольга Берггольц, чей голос в блокаду раздавался из каждого ленинградского радиоприемника. И ученик Филонова и обэриутов, художник Павел Зальцман, «бедный Иов» в «струпьях да лохмотьях», автор одного из самых, по мнению П. Барсковой, странных и важных блокадных текстов, созданного с позиций дистрофика: «Я дурак, я дерьмо, я калека, / Я убью за колбасу человека. / Но пустите нас, пожалуйста, в двери, / Мы давно уже скребемся, как звери. / Я ж страдаю, палачи, / Недержанием мочи!» («Ры-ры»). И сопоставляемый с Зальцманом «блокадный сюрреалист» Геннадий Гор, стремившийся запечатлеть блокадное сознание изнутри. В блокаду вернулся поэтический голос к Наталье Крандиевской, поэтессе Серебряного века, накануне войны оставленной мужем Алексеем Толстым. Блокада описана ею не как запредельный внечеловеческий опыт, но именно человеческий опыт — усилия неразрушения, неразрешения себе разрушаться, описана с интонацией радости, что жизнь продолжается. Именно из ее стиха взято название книги: «Этот год нас омыл, как седьмая щелочь — / О которой мы, помнишь, когда-то читали? / Оттого нас и радует каждая мелочь...» Несвоевременным, возвышенным языком — чтобы не дать исчезнуть городу из памяти — писала очень красивые стихи об очень красивом городе в процессе страшной блокадной гибели Татьяна Гнедич, родственница переводчика Гомера и переводчица Байрона. Наверное, самая удивительная личность среди героев книги поэт-неудачник и филолог-нарцисс Сергей Рудаков, своего рода литературный вампир или «любопытный случай второстепенного дарования, если угодно, которое может жить, только отражая первостепенное и обрамляя его». В своей воронежской ссылке он тесно работал с Мандельштамом, в блокадном Ленинграде «подпитывался» идеями умирающего поэта Михаила Ремезова. Особый

случай (поэт и время) — поэтесса Зинаида Шишова, чья поэма «Блокада» сперва транслировалась по радио, но затем оказалась под запретом как чрезмерно реалистическое описание катастрофы. Повторная трансляция ее поэмы могла стать гибельной для работников Ленинградского радио, но была вовремя прервана. Блокада в стихах этих поэтов так несхожа, что кажется, ее пишут существа разных социальных и биологических видов. Они на разных полюсах, те, кто имел выход в публичное пространство и остался в истории блокады как ее официальный советский голос, и заведомо непечатабельные, кто и не предполагал печататься. П. Барскова пишет о сосуществовании двух видов, двух способов, двух направлений блокадного письма: для официального пользования и для *непользования, нециркуляции* вообще. Г. Гор даже создал теорию, что поэт может существовать без читателя. Одни, как Берггольц, Тихонов, писали для широкого читателя в блокадном городе и на Большой земле, другие — чтобы поддерживать себя, чтобы преодолеть ужас по отношению к себе и к ситуации. Текст П. Барсковой многослоен, она выступает как литературовед, как историк литературы, как повествователь, художественно ярко очерчивающий *жизненный мир* героев своей книги, петляющие судьбы блокадных поэтов, их житейские и творческие драмы. П. Зальцман, что спустя тринадцать лет вернулся в свой город из Алма-Аты, куда был эвакуирован в июле 1942 года, и зашел в бывшую свою квартиру, в «комнату нежных и нервных его папы и мамы, умиравших от голода на глазах у нежного и нервного сына, среди голубых обоев», комнату, заполненную чужими людьми. Т. Гнедич, в 1944 году арестованная, как считает П. Барскова, по самооговору; за полтора года пребывания в одиночной камере «Большого дома» на Литейном она перевела поэму Байрона «Дон Жуан». Могли, но не стали уезжать из города Крандиевская и Берггольц. Первая боялась беженства и неприютности, вторая не мыслила себя без стихотворного общения с ленинградцами по радио. Перед нами история и постоянных соприкосновений, контактов, взаимосвязей. Так в полноте своей предстают взаимоотношения С. Рудакова и О. Мандельштама. Так раскрывается история личных отношений Н. Тихонова и Н. Гумилева. Так представлены мнения о Тихонове двух наблюдателей, двух соглядатаев, Л. Гинзбург и А. Дарова (Духонина). Воспроизводится атмосфера, царившая в студиях и кабинетах Ленинградского радио. На коротком книжном пространстве П. Барскова сумела рассказать о многом — о времени, о стихах и людях. По мнению П. Барсковой, история одной из самых страшных катастроф XX века еще не рассказана. Она считает, что, восстанавливая сегодня работу блокадных поэтов, искавших язык, который бы утолял боль жертвы истории и запечатлевал историю, мы обращаемся к задаче создания языка, которым о блокаде может говорить не переживший ее, но отвечающий за нее и не желающий ее полного забвения. В конце книги помещены тексты поэтов, о которых рассказывается в книге.

Татьяна Лабугина, Максим Ковалев. Британские интеллектуалы эпохи Просвещения: от маркиза Галифакса до Эдмунда Берка. СПб.: Алетейя, 2020. — 462 с.: ил. — (Pax Britanica).

Единой точки зрения о хронологических рамках английского Просвещения нет, но принято считать, что эпоха Просвещения в Англии началась со Славной революции 1689 года, сметшей с престола католика Якова II Стюарта, продлилась почти весь XVIII век и завершилась событиями Французской революции 1789—1794 годов. В отличие от аналогичных движений в странах Западной Европы английское Просвещение не предшествовало буржуазной революции, а, напротив, являлось ее плодом и результатом, и задачей его стала не подготовка новой революции, а перераспределение

политической власти в пользу буржуазии. Члены правительства и лидеры политических партий прекрасно понимали роль литераторов в формировании общественного мнения и потому не жалели ни сил, ни средств, чтобы привлечь их на свою сторону. Когда это удавалось, общественное мнение оставалось под контролем властных структур и любые действия правящего кабинета находили в массовом сознании должное оправдание. За свое «служение» власть предрежащим литераторы получали выгодные должности, пенсии, дары и подношения. Не желавших в угоду правительству менять свои убеждения ждало суровое наказание: штрафы, лишение должностей, «позорный» столб, тюремное заключение. Большинство из просветителей сознательно сотрудничало с властями, поскольку их взгляды и интересы совпадали с властными, нередко делали это из принципиальных соображений, но чаще руководствовались партийными, классовыми либо меркантильными интересами. Когда власти отказывались от услуг наемных литераторов, те уходили в оппозицию и принимались обличать во всех смертных грехах своих хозяев. Главные герои книги Татьяна Лабутиной и Максима Ковалева — выдающиеся интеллектуалы Англии эпохи Просвещения. Среди них Д. Свифт и Д. Дефо, которые приобрели широкую известность у себя в стране еще при жизни отнюдь не как создатели художественных произведений, а как литераторы, принимавшие активное участие в политической борьбе партий тори и вигов. Это один из первых, если не первый просветитель и идеолог просветительского движения в Англии маркиз Галифакс, видный государственный деятель и публицист, автор первого в истории Англии произведения, посвященного нравственному воспитанию юных аристократок. Поэты и драматурги, основатели английской журналистики Р. Стиль и Д. Аддисон, издатели журналов «Тэтлер», «Спектейтор» и «Гардиан», широко известных и далеко за пределами Англии, в том числе в России. К трудам Р. Стиля проявляли интерес Н. Новиков, Воронцова-Дашкова, Екатерина II. Оригинальный и смелый мыслитель, яркий государственный деятель лорд Болингброк, почитаемый при жизни и отвергнутый и презираемый после смерти, стал одним из создателей концепции просвещенного абсолютизма. Ф. Честерфилд, автор бестселлера «Письма к сыну», дипломат и писатель, он дружил с Вольтером и Монтескье. Великий сатирик, драматург Г. Филдинг считается одним из основоположников реалистического романа, а Э. Берк — основателем европейского консерватизма. Впервые рассмотрено творчество «неизвестных» просветителей Англии: Д. Литтлтона, почитаемого как образец гражданской и нравственной добродетели, и Ф. Дэшвуда, чье имя овеяно «черной легендой», в которой политическая нелояльность переплелась с распутством и безбожностью. Ф. Дэшвуд — первый британец, посетивший Россию в качестве туриста (1733 год). Авторы художественно воссоздают биографии своих героев: зигзаги судеб, взлеты и падения, опалы, интриги, взаимоотношения с современниками, характеры, личная жизнь. За «скандальные и подстрекательские пасквили», бросавшие тень на королеву Анну, был исключен из парламента журналист Р. Стиль. Памфлет, оскорбивший помимо воли и желания Дефо королеву Анну и англиканскую верхушку, привел писателя к позорному столбу, где публика закидала его цветами. Чтобы избежать семилетнего тюремного заключения, он обязался поддерживать политику правительства «пером и словом», стал организатором всеобъемлющей шпионской сети как внутри страны для борьбы с врагами правительства, так и за ее пределами. Значительную часть жизни провел в политической эмиграции блестящий лорд Болингброк. Неожиданные повороты судеб тесно увязаны с бурной историей Англии. В результате Славной революции 1688—1689 годов в Англии установилась конституционная монархия. Буржуазия и новое дворянство вступили в конфликт с крупной земельной аристократией. Разногласия привели к образованию в парламенте двух партий: тори (земельной аристократии) и вигов (финан-

совой и торгово-промышленной буржуазии) — и ожесточенной борьбе между ними. Страну сотрясали династические кризисы. Не утихали восстания якобитов. В полемике идеологов английского просветительского движения, приверженцев и виггов, и тори бурно обсуждались вопросы происхождения государственной власти, формы правления, теория «разделения» и «равновесия» властей, теория «сопротивления» власти. В своих трудах просветители обличали коррупцию высокопоставленных чиновников и парламентариев, их некомпетентность и злоупотребление служебным положением, несовершенство избирательной системы, предлагали реформы для оздоровления британского общества. Размышляли о гражданских и личных свободах, вопросах религии и морали, образовании женщин и юношества. Естественно, что идеология просветительского движения на протяжении столь длительного периода трансформировалась. Английские просветители стали «первооткрывателями» многих идей, теорий, концепций, положенных в основу идеологии просветительского движения и создали ту модель либеральной демократии, которая и поныне представляет собой эталон для подражания во многих странах мира. Их воззрения актуальны и по сей день. Например, Галифакс советовал не забывать, что «благосклонность народа кратковременна, тогда как его гнев продолжителен». Чтобы удержать народные низы в повиновении, маркиз предлагал позволить им «выискивать ошибки» вышестоящих, прислушиваться к тому, что говорит народ и на что он жалуется, обращал внимание на то, что авторитет монарха в народе часто падает из-за его окружения и что «хорошее правление» возможно только при «хороших чиновниках». Дефо утверждал: «Долг честного человека — не допускать народных выступлений». Свифт считал, что народ вправе избирать ту форму правления, которую считает пригодной для своей страны.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)